

UDC 94(470.40)

**Evangelical Work of Islamic Clergy in Mid-Volga Region. 1945–1980
(Based on Tatar ASSR and Penza Region data)**¹Larisa A. Koroleva²Alexey A. Korolev³Svetlana F. Artyomov¹⁻³Penza state university of architecture and construction, Russia¹Dr. (History), Professor²Dr. (History), Associate Professor³PhD (History), Associate Professor

440028 Penza, G. Titov St., 28 / 440060 Penza, Rakhmaninov St., 20-234

E-mail: la-koro@yandex.ru

Abstract. In article one of the most important activities of attendants of an Islamic cult – reading sermons in the 1940–1980th on the example of the Tatar ASSR and the Penza region (contents change depending on changes in social and economic life of the Soviet and world community, «modernization» of actually Islamic dogma, reflection in sermons of social and moral problems of the Soviet society, an identification of the religious and communistic principles of morals, etc.) is characterized; the social and demographic characteristic of Muslim clergy is given; actions of the Soviet authorities concerning followers of Islam at regional level are analyzed.

Keywords: USSR; Islam; clergy; Tatar ASSR; Penza region.

Введение. Мусульмане считают ислам наиболее «демократичной» религией, так как в отличие от христианства, иудаизма и буддизма у них отсутствует так называемое штатное духовенство, церковь как социальная структура с ее жесткой иерархией и четкой структурированностью, не существует единого религиозного центра или общепризнанного лидера (как патриарх у православных или папа римский у католиков).

Считается, что мусульманские общины действуют самостоятельно. Мусульмане вправе молиться не обязательно в мечетях, могут «обращаться» к Аллаху напрямую, без посредников – духовенства. Тем не менее, профессиональные служители у мусульман – исламское духовенство (муллы, обычно избираются верующими из своей среды) – не только деятели религии, но и духовные лидеры, пропагандисты мусульманской культуры и традиций.

Среднее Поволжье, административными единицами которого являются Татарская АССР и Пензенская область, относится к регионам традиционного распространения ислама в России. Именно в Среднем Поволжье, прежде всего, в Республике Татарстан, расселена большая часть татар – российского народа, исповедующего ислам.

Материалы и методы. В статье использованы, в первую очередь, архивные материалы – Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Государственного архива Пензенской области (ГАПО), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

В качестве теоретико-методологической основы исследования были избраны принципы: а) объективности; б) историзма; в) системности, г) объективного учета социально-личностного в предмете исследования и наиболее возможная нейтрализация субъективного отношения исследователя при оценке и интерпретации фактов. Кроме методологических принципов в работе были использованы специально-исторические принципы: сравнительно-исторический, актуализации, проблемно-хронологический, диахронный; также общенаучные принципы: структурно-системный, статистический, классификации, позволившие проанализировать эволюцию государственно-исламских отношений, рассмотреть советско/российское мусульманство в комплексе его составляющих, анализировать и сопоставлять различные данные для определения основных особенностей и сущностных характеристик.

Обсуждение. Одной из важнейших обязанностей служителей мусульманского культа была проповедническая деятельность, поскольку «проповедь является наиболее динамичным элементом религиозного комплекса, открывающим широкое поле для маневрирования, для совершенствования аргументации и освоения новой проблематики. Именно с помощью проповеди в первую очередь модернистские идеи распространяются среди масс верующих» [1]. Проповеди звучали на самые различные темы – от актуальных проблем социально-политического характера, чисто ортодоксально-догматического содержания до нравственных и других жизненно важных вопросов. В.А. Куроедов, председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР, подчеркивал: «Социалистическая действительность, историческое творчество народов, которые сами стали хозяевами своей судьбы, подорвала веру в божественное предопределение. И мусульманское духовенство в настоящее время проповедует, что хотя многое и предопределено Аллахом, но немало зависит и от намерений людей и их упорства в достижении намеченных целей» [2]. Действительно, в 1940–1980-х гг. помимо религиозных сюжетов в проповедях мусульманского духовенства появилось много новых моментов, что было вызвано объективной реальностью советской действительности. Служители исламского культа в своей религиозной деятельности вынуждено было считаться с тем обстоятельством, что СССР являлся страной массового атеизма, что далеко не все население, в силу разных причин, составляли верующие. Так, в праздничной проповеди на «Курбан-байрам» муллы чистопольской мечети (Татарская АССР), обращаясь к верующим, сказал: «Раньше мусульмане жили среди русских, как тараканы в щелях, но верили мусульманской религии сильнее, чем вы в настоящее время, хотя сейчас законом не запрещается выполнять религиозные обряды» [3]. Кроме того, Великая Отечественная война способствовала оживлению религиозной жизни в СССР. Мусульманское духовенство заняло патриотическую позицию и призывало верующих к борьбе с фашизмом. Как компенсацию за проявленную лояльность мусульманские священнослужители получили некоторые послабления, которые не хотело терять. Все это стимулировало поиск новых методов и форм религиозной пропаганды и даже обуславливало снижение уровня требований к верующим в плане соблюдения религиозных обрядов и традиций. Для сохранения своих позиций служители исламского культа старались облегчить исполнение религиозных ритуалов, изменить и упростить религиозную практику и т.д. Так, в 1969 г. при прохождении мусульманского праздника «Курбан-гаит» в Татарской АССР муллы разъясняли верующим, что для работающих граждан достаточно участия лишь в «фарыз элеше» – основной кратковременной части молитвы пророка, не занимающей много времени, после чего можно покинуть мечеть [4]. Для Среднего Поволжья фактически в прошлом осталась практика чтения полного текста Корана («хатм Коран») в дни «Уразы». Советская власть пыталась тщательно контролировать столь важное направление религиозной практики служителей исламского культа.

В 1940–1980-х гг., «модернизируя» вероучение и культ ислама, мусульманское духовенство стремилось не выходить за рамки исламского вероучения. Но по многим проблемам, например, в отношении к частной собственности, социальному неравенству, положению женщины и т.д., служители культа перешли на более рациональные и реалистические позиции.

Социальные и нравственные проблемы жизни советского общества – труд, образование, национальные и семейно-бытовые отношения и т.п., постоянно находились в поле зрения исламского духовенства. В выступлениях священнослужителей стали звучать такие категории, как «социальный прогресс», «социальные законы», «закономерности развития природы и общества» и т.д. В 1965 г. муллы Степно-Озерской общины, Курманаевской и Старо-Утямшской мечетей (Татарская АССР) в своих проповедях говорили о необходимости честного отношения к колхозной собственности, воспитания молодежи в духе времени, уважения к родителям и старикам, выполнения принятых обязательств и т.п. Имам альметьевской мечети Ш. Гарипов (Татарская АССР) в одной из проповедей обращался к верующим: «Коран – основа нашей религии, требует от каждого из нас выполнять указания нашего правительства с таким же усердием, с каким мы выполняем и предписания самого Аллаха и пророка Мухаммеда. Все мусульмане должны еще лучше

трудиться на производстве, а этот наш труд будет способствовать увеличению богатства нашей родины, повышению благосостояния всего народа» [5].

Постоянно в богослужениях, особенно в сельской местности, звучали наставления о вреде курения, пьянства, морального облика верующего, о воспитании детей и т.д. В мечети г. Чистополя Татарской АССР имам Н.М. Мофлюхунов говорил: «Водка – мать безобразных дел, начало всех грехов. Тот, кто употребляет водку – отступник от веры, он не верит в потусторонний мир и рай. Алкоголик разрушает религию ислам. Тот, кто дает деньги алкоголику, подобен соучастнику в убийстве. Если алкоголик заболел, не интересуйтесь его здоровьем, если умрет – не участвуйте в его похоронах, т.к. он уже отлучен Аллахом от ислама» [6].

Произошли изменения в отношении служителей исламского культа к науке. Явно прослеживалась тенденция синтезировать научные данные и положения Корана о существовании бога. Если раньше научные открытия категорически отвергались, то со временем достижения научно-технического прогресса стали расцениваться как нечто несовершенное, второстепенное. Существование бога стало «доказываться» с помощью научных достижений. Среди мусульманских модернистов СССР стало популярным положение о том, что развитие советской науки происходит милостью Аллаха, Коран является «кладом» науки. Так, выпускник медресе «Мир араб» А.Ш. Бибарсов в своем выступлении перед верующими в 1971 г. произнес: «В одном из аятов, хадисов пророк говорил о том, что, чем молиться в течение одной ночи, полезнее один час заниматься наукой; один день изучать науки полезнее, чем соблюдать уразу в течение одного месяца». Далее он призывал верующих к овладению знаниями: «Земля, небо, луна, звезды и другие небесные тела созданы богом. Они постоянно вращаются вокруг своей оси с помощью энергии, данной богом. Для того, чтобы знать законы природы, нам надо изучать науки» [7].

Характерный пример религиозного модернизма 1960–1980-х гг. – попытка отождествления религиозных и коммунистических принципов морали, синтез религиозных и светских праздников и т.д. Так, имам-хатыб казанской соборной мечети Рахматулин 5 ноября 1965 г. в своей проповеди говорил: «Если Аллаху будет угодно, послезавтра, 7 ноября, будет праздник Великой Октябрьской социалистической революции. В этот день празднуется революция, давшая всему пролетариату свободу, направившая угнетенные народы всего мира к освобождению, сделавшая людей разных наций равноправными гражданами и передавшая управление государством в руки народа, свалив господство буржуазии в России» [8]. Далее говорилось, что мусульмане России с большой радостью встречают данный праздник, поскольку Великий Октябрь выполнил многое из того, что предначертано в Коране. В 1969 г. последняя пятница месяца шаабан и 32-я годовщина Октября совпали, и мулла казанской мечети Х.Я. Яруллин в проповеди поздравил верующих и пожелал им: «Пусть в эти дни нам простит Аллах наши прегрешения и уготовит лучшую жизнь для тех, кто покинет этот мир в дни рамазана. Пусть пройдет этот день – день Великого Октября в мире и радости для наших народов» [9]. Уполномоченный Совета по Татарской АССР обращал внимание, что «общим для проповедей данного дня являлось стремление духовенства подчеркнуть свою политическую лояльность советской власти и призыв к верующим встретить пролетарский праздник хорошими делами» [10].

С середины 1970-х гг. в проповедях средневожского духовенства сильным лейтмотивом стали призывы к миру, что было связано с изменением международной обстановки. Так, в дни праздника «Курбан-байрам» 1977 г. в выступлениях мулл сельских мечетей А. Ахметвалеева (с. Новое Узеево Татарской АССР), З. Галиуллина (с. Старые Киязлы Татарской АССР), Н. Нурмухаметова (с. Курманаево Татарской АССР) особое внимание было уделено вопросам «О борьбе народов за мир и посильное участие в ней верующих мечети», «О мире на земле», «Об участии своими средствами в борьбе за мир» и т.п. [11]. В 1979 г. накануне праздника «Курбан-байрам» на места было разослано праздничное послание муфтия ДУМЕС для использования муллами в проповеднической работе, где особое внимание обращалось на «одобрение подписания договора об ОСВ-2, неустанную борьбу Советского правительства за мир между народами» и т.д. [12]. В проповеди имама мечети Ш. Гарипова г. Альметьевска (Татарская АССР) звучало: «Борьба за мир и его защита – священный долг каждого мусульманина и всех людей доброй воли. Вы знаете, что недавно было подписано Советским правительством и американским

президентом соглашение об ограничении стратегических вооружений. Мы, мусульмане, как и все миролюбивые народы мира, одобряем и поддерживаем этот договор. Пусть Всевышний Аллах поможет нашим руководителям в их неустанной борьбе за мир и дружбу между народами» [13].

Особое внимание в своих публичных выступлениях священнослужители мусульманского культа обращали единство национального и религиозного, что не всегда приветствовалось местными властями. Так, имам казанской мечети З. Сафиуллин на праздник «Ураза-байрам» (1982 г.) говорил: «То, что мы сегодня испытываем великую радость, существуем как великая нация – все это только благодаря благословенному исламу. И если мы отступимся от своей веры, упаси Аллах, то окончательно затеряемся среди других наций. Слава Аллаху, наше будущее возможно только под сенью нашей религии» [14]. В других проповедях звучало: «Мусульмане потому сохраняют свое национальное единство и являются нацией среди других народов, что они верят в Аллаха, и чтобы так было всегда необходимо сохранять веру и исповедать исламскую религию» [15].

В своей общей массе проповеди исламского духовенства Среднего Поволжья носили достаточно однообразный характер, повторялись из года в год, в них использовались, как правило, одни и те же аяты и высказывания из хадисов. Так, мулла казанской мечети Х. Яруллин (Татарская АССР) текст праздничной проповеди в неизменном виде использовал 6 лет, мулла бугульминской мечети Г. Хамидуллин (Татарская АССР) более 8 лет выступал с одним и тем же текстом. Ситуацию весьма красноречиво обрисовал имам мечети с. Степное Озеро Н. Шаяхматов (1981 г.): «... Я выступаю с одной и той же проповедью с 1946 г. Эту же проповедь читали и мои предшественники. Она нас вполне устраивает. Потому что верующие никакого духовного образования не имеют и в мечеть ходят два раза в год. Вообще наша проповедническая деятельность затухает. Или им говоришь, или стенам – одно и то же» [16]. Безусловно, некоторые конъюнктурные моменты присутствуют, но в целом довольно объективно представлена картина. По мнению уполномоченного Совета по Татарской АССР И.А. Михалева, причина данного явления крылась в том, что «абсолютное большинство мулл – религиозные самоучки, имевшие низкий уровень общеобразовательной подготовки, кроме того, в настоящее время значительно ослаблены связи духовенства с муфтием, и он не рассылает праздничных посланий» [17]. Действительно, в начале 1950-х гг. в Татарской АССР из зарегистрированных мулл у 100 % было низшее общее образование; 20 % – высшее духовное образование, 60 % - среднее, 20 % - низшее; из зарегистрированных в Пензенском крае имамов 35 % имамов имели среднее образование, остальные – низшее; духовное высшее образование имели 5 % мулл, среднее духовное – 10 %, низшее духовное – 45 %, 15 % служителей исламского культа не имели никакого духовного образования [19]. Следует отметить, что верующих далеко не всегда устраивал столь низкий уровень «компетентности» служителей культа. Так, в 1969 г. в г. Чистополе (Татарская АССР) во время проповеди муллы Н.М. Мофлюхунова в праздник «Курбан-байрам» раздавались реплики «Это мы уже слышали», «Ничего нет нового» и т.п. [20]

В связи с преклонным возрастом мусульманского духовенства, некоторые из мулл даже не выступали с религиозными проповедями, а ограничивались поздравлениями верующих с праздниками и высказыванием пожеланий им благополучия и мира. В Пензенском регионе мухтасиб Я.С. Юсупов старался личным примером активизировать проповедническую деятельность. Так, по сообщению уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области, 24 мая 1961 г. в день религиозного праздника «Курбан-байрам» мухтасиб выступил перед 300 верующими в мечети с. Большой Труев Кузнецкого района Пензенского региона. Свою речь он начал с изречений из Корана, зафиксировал уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.С. Попов в своем отчете, затем быстро «спустился с небес на землю» и дальше говорил только о вопросах современной жизни. О чем только не говорил мулла Юсупов! О любви к родине, подчинении ее законам, соблюдении трудовой дисциплины, о выполнении народнохозяйственных планов, необходимости обучения детей трудовым специальностям и даже о вреде алкоголя. Совершенно очевидно, что в этих разглагольствованиях муллы верующие не нуждались. Они потребовались мулле Юсупову для того, чтоб «втереться» в

доверие к верующим, создать видимость, что его деятельность тоже «полезна» для общества, и что он, мулла Юсупов, тоже «шагает в ногу» с жизнью» [21].

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области верно замечал, что необходимость адекватно реагировать на современные реалии советского общества обусловила тот факт, что, в 1940-1980-х гг. «в проповедях мулл центральными темами сделались рассуждения о цивилизаторской миссии ислама, о всемерной заботе мусульманских организаций о культурном росте народа, повышении образовательного уровня молодежи» [22].

Священнослужители исламского культа, придерживаясь в целом лояльной позиции по отношению к советской власти, вступали иногда с ней в конфронтацию. Так, в конце 1970-х - начале 1980-х гг. сами верующие г. Чистополя Татарской АССР начали открыто выражать недовольство действиями, вернее, недействиями муллы Н.М. Мофлюхунова, который отказывался отпевать погибших при исполнении воинского долга, мотивируя свою позицию тем, что «эти люди преждевременно ушли из жизни не в боях за ислам, а по иным причинам», о чем говорил в своих проповедях. Более того, он не скрывал своего неприязненного отношения к членам КПСС и ВЛКСМ. По сведениям уполномоченного по республике, в своих проповедях Мофлюхунов публично осуждал интернациональное общение граждан, препятствовал заключению смешанных браков и т.д. [23]. Примечательно, в связи с данными обстоятельствами председатель ДУМЕС муфтий А.И. Исаев направил в адрес уполномоченного Совета по Татарской АССР И.А. Михалева письмо с просьбой «разобраться в действиях муллы и принять меры вплоть до снятия его с должности имама мечети» [24]. Поскольку мулла продолжал свою деятельность в прежнем направлении, новый председатель ДУМЕС Т.С. Тазеев в 1980 г. принял решение о его смещении и направил в г. Чистополь членов президиума ДУМ для «доведения решения до сведения исполнительного органа религиозного объединения и верующих» [25]. Однако, приехавших верующие, сторонники Мофлюхунова, просто не допустили в мечеть.

В 1970-х гг. в Среднем Поволжье получила распространение практика представления содержания проповедей мулл в комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах. Уполномоченный по Татарской республике расценивал данный факт как «проявление лояльности к органам советской власти» [26].

Результаты и выводы. Таким образом, мусульманское духовенство Среднего Поволжья отличалось активностью и последовательностью в использовании разнообразных методов работы, в т.ч. и проповеднической деятельности, среди населения. Эффективность проповедей мусульманского духовенства была, поскольку звучавшие в них сюжеты о любви к Родине, укреплении семьи, ведении здорового образа жизни, формировании трудолюбия отвечали обыденным запросам верующих, были им понятны и близки, в свою очередь, попутно доказывали единство ценностей ислама и общечеловеческого. Но, тем не менее, кризисные тенденции ощущались, поскольку советская действительность явно не благоприятствовала распространению религиозности. Служители исламского культа также говорили в своих выступлениях о лояльном отношении к социалистическому строю, одобрении внешней и внутренней политики КПСС и Советского правительства, в целом, что, с одной стороны, обеспечивало относительно комфортные условия существования, с другой, частично приводило к ослаблению атеистической работы на местах, распространению религиозного мировоззрения и способствовало поддержанию влияния служителей исламского культа.

Примечания:

1. Аширов Н. Мусульманская проповедь. М.: Политиздат, 1978. 80 с. С. 4.
2. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М.: Политиздат, 1982. 263 с. С. 166-167.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 77. Л. 186.
4. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 40. Л. 5.
5. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 46.
6. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 47.
7. Вопросы теории и практики атеистического воспитания. Ташкент: Узбекистан, 1979. 310 с. С. 136-138.

8. Аширов Н. Эволюция ислама в СССР. М.: Политиздат, 1974. 152 с. С. 39-40.
9. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 41. Л. 2.
10. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 41. Л. 2.
11. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 81. Л. 129-130.
12. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 42.
13. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 46.
14. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 111. Л. 55.
15. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 45.
16. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 105. Л. 65.
17. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 40. Л. 7.
18. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 7. Л. 29об; 43об; 47об.
19. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 2392. Оп. 1. Д. 26. Л. 197.
20. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 41. Л. 20.
21. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 257.
22. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 38.
23. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 136. Л. 41.
24. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 136. Л. 42.
25. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 136. Л. 43.
26. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 99. Л. 90.

References:

1. Ashirov N. Musul'manskaya propoved'. M.: Politizdat, 1978. 80 s. S. 4.
2. Kuroedov V.A. Religiya i tserkov' v Sovetskom gosudarstve. M.: Politizdat, 1982. 263 s. S. 166-167.
3. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan (NA RT). F. R-873. Op. 1. D. 77. L. 186.
4. NA RT. F. R-873. Op. 2. D. 40. L. 5.
5. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 93. L. 46.
6. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 93. L. 47.
7. Voprosy teorii i praktiki ateisticheskogo vospitaniya. Tashkent: Uzbekistan, 1979. 310 s. S. 136-138.
8. Ashirov N. Evolyutsiya islama v SSSR. M.: Politizdat, 1974. 152 s. S. 39-40.
9. NA RT. F. R-873. Op. 2. D. 41. L. 2.
10. NA RT. F. R-873. Op. 2. D. 41. L. 2.
11. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 81. L. 129-130.
12. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 93. L. 42.
13. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 93. L. 46.
14. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 111. L. 55.
15. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 93. L. 45.
16. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 105. L. 65.
17. NA RT. F. R-873. Op. 2. D. 40. L. 7.
18. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 7. L. 29ob; 43ob; 47ob.
19. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (GAPO). F. 2392. Op. 1. D. 26. L. 197.
20. NA RT. F. R-873. Op. 2. D. 41. L. 20.
21. GAPO. F. 2392. Op. 1. D. 1. L. 257.
22. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI). F. 5. Op. 67. D. 115. L. 38.
23. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 136. L. 41.
24. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 136. L. 42.
25. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 136. L. 43.
26. NA RT. F. R-873. Op. 1. D. 99. L. 90.

УДК 94(470.40)

**Проповедническая деятельность мусульманского духовенства
Среднего Поволжья. 1945–1980 гг. (по материалам Татарской АССР
и Пензенской области)**

¹ Лариса Александровна Королева

² Алексей Александрович Королев

³ Светлана Федоровна Артемова

¹⁻³ Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

¹ доктор исторических наук, профессор

² доктор исторических наук, доцент

³ кандидат исторических наук, доцент

440028 Пенза, ул. Г. Титова, 28 / 440060 Пенза ул. Рахманинова 20-234

E-mail: la-koro@yandex.ru

Аннотация. В статье характеризуется одно из важнейших направлений деятельности служителей исламского культа – чтение проповедей в 1940–1980-х гг. на примере Татарской АССР и Пензенской области (изменение содержания в зависимости от перемен в социально-экономической жизни советского и мирового сообщества, «модернизация» собственно исламского вероучения, отражение в проповедях социальных и нравственных проблем советского социума, отождествление религиозных и коммунистических принципов морали и т.д.); дается социально-демографическая характеристика мусульманского духовенства; анализируются действия советских властей в отношении последователей ислама на региональном уровне.

Ключевые слова: СССР; ислам; духовенство; Татарская АССР; Пензенская область.